

Саша Вей
Попаданка влюблённая в вампира

Саша Вей
Попаданка
влюблённая в вампира
Серия «Попаданка в
магические миры», книга 13

*<https://litres.ru/74006324>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Месяц назад Майя была обычной студенткой из Москвы, а теперь она — бесправный «сосуд» в жестоком измерении вампиров. Правило выживания здесь одно: смотри в пол и безропотно отдавай свою магию. Но Майя нарушает главный закон. Она влюбляется в того, кого должна бояться больше смерти.

Дориан Валериус — наследник древнего Дома Теней, холодный и опасный хищник. Их тайная связь карается сожжением заживо.

Чтобы спасти Дориана и себя, Майя идет на немыслимое. Но вместо того, чтобы стать покорной жертвой, она пробуждает в себе древнюю, стертую из хроник силу. Майя — избранная. Она не просто пища, она способна поглощать магию вампиров и возвращать её всепоглощающим пламенем.

Тёмная академия и жестокие испытания на выживание.

Запретная страсть и опасный, притягательный герой.

От слабой жертвы до самой могущественной фигуры в мире.

Скрытые интриги, стекло, магия и эпичные битвы.

Она должна была стать его пищей. Но стала его гибелью и спасением.

Содержание

Пролог.	5
Глава 1.	10
Глава 2.	19
Глава 3.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Саша Вей Попаданка влюблённая в вампира

Пролог.

Воздух в вагоне московского метро пах дешевым кофе и той особенной, липкой усталостью, которая бывает только в час пик.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу, глядя на проносившиеся мимо кабели в черной утробе туннеля. Завтра нужно было сдавать проект по готической архитектуре, в рюкзаке лежал тяжелый тубус с чертежами, а в наушниках играл монотонный инди-рок. Жизнь была предсказуемой, размеренной и абсолютно нормальной.

До станции «Красные ворота» оставалось меньше минуты, когда нормальность закончилась.

Сначала пропал звук.

Металлический визг колес, гул голосов, музыка в наушниках — все это исчезло, словно кто-то выключил звук у всего мира разом. Вагон погрузился в вакуумную, неестественную тишину. А затем погас свет.

Пассажиры даже не успели ахнуть, как люминесцентные

лампы на потолке вспыхнули снова. Но свет больше не был белым. Он стал болезненным, пульсирующим, цвета свежего сияния.

Именно тогда я почувствовала это.

Глубоко в моей груди, там, где билось сердце, внезапно проснулся жар. Это не было похоже на паническую атаку. Это было чувство, словно внутри меня чиркнули спичкой, и крошечная, спавшая всю мою жизнь искра вдруг вспыхнула, отвечая на какой-то невидимый зов извне. Моя кровь закипела. Вены на запястьях вздулись, и мне на секунду показалось, что сквозь кожу пробивается слабое золотистое свечение, переплетенное с черными нитями.

Поезд дернулся с такой чудовищной силой, что людей швырнуло на пол. Стекла в вагоне не разбились — они расплавились, стекая по рамам, как горячий сахар.

Пространство впереди вагона разорвалось.

Это выглядело так, будто кто-то вспорол саму ткань реальности невидимым ножом. В туннель хлынул ветер, пахнувший серой и старой медью. И этот ветер тащил нас внутрь.

Я вцепилась в поручень, задыхаясь от жара в груди. Моя странная, необъяснимая искра пульсировала в такт с разломом. Позже я узнаю, что пространственные ловцы Эребуса десятилетиями не могли пробить барьер на Землю. Им не хватало якоря. Магнита. И в тот вечер в метро они случайно зацепили меня — носителя древнего гена Катализатора, чья дремлющая магия сработала как детонатор, распахнув пор-

тал шире, чем они рассчитывали.

Вагон с жутким скрежетом сложился пополам, втягиваясь в воронку.

Ослепительная вспышка багрового света выжгла мне глаза. Ощущение падения, тошнота, рывок — и гравитация швырнула меня на твердый, неровный камень.

Воздух из легких вышибло ударом. Я судорожно закашлялась, пытаясь вдохнуть, но местный кислород обжигал горло. Он был тяжелым, густым, наэлектризованным.

Я с трудом приподнялась на четвереньки, опираясь о гладкий черный базальт.

Метро исчезло. Туннеля не было. Около полусотни выживших пассажиров — израненных, плачущих, кричащих от ужаса — барахтались на гигантской круглой площади, мощенной плитами из черного обсидиана.

Я вскинула голову, и мой архитектурный разум на секунду отказался воспринимать реальность.

Вокруг нас, уходя в бесконечную высоту, возвышались исполинские готические шпили. Они были высечены из темного камня, украшены горгульями и витражами, в которых отражалось небо. Небо, на котором не было ни солнца, ни звезд. Оно клубилось тяжелыми тучами цвета свернувшейся, венозной крови.

Мы попали в ад. И черти уже ждали нас.

— Какая удачная жатва, — раздался сверху скучающий, бархатный голос.

Я повернула голову. На широкой мраморной лестнице, ведущей во двор, стояли они.

Сначала мне показалось, что это люди. Но они были слишком высокими. Слишком идеальными. Они были одеты в камзолы из черного бархата и шелковые платья, их фарфорово-бледная кожа слабо светилась в багровом полумраке.

Один из них, мужчина с жестоким, резким профилем и серебряными знаками отличия на груди, медленно спустился по ступеням. Он двигался с пугающей, текучей грацией хищника. Рядом с ним на тяжелой цепи шла тварь, сотканная из камня и тьмы, по форме напоминающая огромную искаженную гончую.

Женщина в разорванном пальто, стоявшая ближе всего к лестнице, закричала и бросилась бежать.

Мужчина даже не изменился в лице. Он лениво поднял руку в черной перчатке. Невидимая сила, похожая на сгусток плотной тени, сорвалась с его пальцев, ударила женщину в спину и швырнула ее обратно на камни.

— Тишина, скот, — произнес он. Он не кричал, но его голос ударил по ушам с такой силой, что все крики на площади мгновенно оборвались.

Бледный аристократ обвел нашу трясущуюся толпу абсолютно черными глазами, лишенными белков. В его взгляде не было ненависти. Было только выражение брезгливого фермера, осматривающего новое стадо.

— Добро пожаловать в Академию Эребус, — его губы

изогнулись в холодной усмешке, обнажив два неестественно длинных, острых клыка. — Ваш мир — миф. Ваша свобода закончилась. Отныне вы — сосуды. Вы будете отдавать свой эфир, чтобы питать Высших, и, если повезет, проживете достаточно долго, чтобы умереть от старости, а не от наших клыков.

Искра в моей груди, вспыхнувшая в метро, вдруг болезненно сжалась, раздавленная концентрированной, удушающей аурой этого мира. Жар сменился ледяным холодом.

Двое закованных в броню солдат подошли к толпе, волоча за собой тяжелые связки железных ошейников.

Я вжалась в камни, пытаюсь стать невидимой. Я еще не знала, что магия, которую вампиры используют для подчинения, — это то самое оружие, которое однажды уничтожит их. Я не знала, что мое появление здесь не случайность, а приговор их тысячелетнему правлению.

Тогда я знала лишь одно: я хочу выжить. И чтобы выжить среди монстров, придется выучить их правила.

Глава 1.

Первое правило Академии Эребус гласит: никогда не смотри вампиру в глаза. Второе: всегда носи при себе освященное серебро. Третье, и самое главное: если он улыбнулся — беги.

Я нарушила все три правила за последние десять минут. Его клыки прорвали кожу на моей шее с пугающей, почти хирургической нежностью. Боль вспыхнула лишь на долю секунды, а затем растворилась в обжигающей эйфории, от которой подкосились ноги. Я судорожно выдохнула, вцепившись пальцами в лацканы его черного бархатного камзола, пытаюсь удержать равновесие. Моя человеческая кровь — горячая, полная магии, которую я еще даже не научилась контролировать, — толчками уходила в него.

Это было безумием. Это было самоубийством. В этом мире, где небо всегда цвета запекшейся крови, а готические шпили Академии пронзают низкие тучи, связь между смертным магом и чистокровным носферату каралась только одним способом. Испепелением на центральном дворе.

— Дориан, — прошептала я, чувствуя, как перед глазами начинают плясать темные пятна. Мой голос дрожал, выдавая панику, которая боролась с противоестественным наслаждением. — Хватит. Пожалуйста.

Он отстранился мгновенно, с грацией хищника. На его

идеальном, бледном лице не было и следа человечности — только голод и бездна в потемневших, ставших почти черными глазах. Капля моей крови блеснула на его нижней губе. Он слизнул ее, и на мгновение в его взгляде мелькнуло отвращение. К самому себе.

Но сказать он ничего не успел.

Воздух в Заброшенной Оранжеее внезапно стал плотным, как свинец. Раздался оглушительный вой, от которого зазвенели уцелевшие стекла в огромных витражных окнах. Это был не звук сирены — это кричали Горгульи-Ищейки, каменные стражи Инквизиции.

Нас нашли.

В ту же секунду двор за окном озарился резким, неестественным лазурным светом. Тяжелые кованые сапоги карательного отряда загрохотали по мраморным плитам коридора, ведущего в наш сектор.

— Проклятье, — прошипел Дориан. Его голос, обычно бархатный и спокойный, сейчас резал слух, как битое стекло. Он схватил меня за плечи, и его пальцы обдали мою кожу ледяным холодом. — Майя, слушай меня. Что бы ни случилось, не издавай ни звука.

— Как они узнали? — меня била крупная дрожь. Я попыталась натянуть воротник школьной формы, скрывая две кровоточащие точки над ключицей, но руки не слушались. Всего месяц назад моей самой большой проблемой была сессия в университете и пробки на Садовом кольце. Я ехала в

метро, поезд въехал в туннель, свет моргнул — и вместо следующей станции двери открылись в преисподнюю. В измерение, где Земля — лишь миф, а люди — это батарейки, сосу-
ды с магическим эфиром, которых учат колдовать лишь для того, чтобы они могли обслуживать элиту бессмертных. И вот теперь я здесь, истекаю кровью в объятиях монстра, которого должна ненавидеть, но к которому меня тянет с разрушительной силой.

— Они не узнали. Они патрулируют, — Дориан резко оглянулся на массивные дубовые двери Оранжереи. Сквозь щели уже пробивался свет от магических фонарей Инквизиторов. — Ищейки чуют свежую кровь. Они чуют твой пульс, Майя.

Мое сердце колотилось как сумасшедшее, ударяясь о ребра с такой силой, что, казалось, звук разносился по всему залу. В мире, где у половины студентов идеальный слух хищников, громкий пульс испуганного человека — это сигнал тревоги.

— Я не могу его успокоить, — в панике выдохнула я, отступая на шаг, но наткнувшись спиной на ствол мертвого ядовитого плюща. — Дориан, они убьют нас обоих. За связь... за то, что ты пил...

— Я не позволю им тронуть тебя, — отрезал он. В его глазах вспыхнуло алое пламя — признак того, что он обращается к своей древней магии. Теневой магии.

Двери содрогнулись от первого тяжелого удара. Дерево

жалобно затрещало.

— Именем Коменданта! Открыть немедленно! — раздался по ту сторону рев магистра Вейна, главы карательного отряда. Его голос был пропитан жестокостью, от которой у меня скрутило живот.

Дориан сделал шаг ко мне, прижимая меня к себе так крепко, что выбил остатки воздуха из легких. Он поднял руку, чертя в воздухе сложные геометрические фигуры, которые тут же вспыхивали черным дымом. Тени со всех углов Оранжереи поползли к нам, как живые змеи, свиваясь в плотный, непроницаемый кокон.

— Иллюзия нас не спасет, — прошептала я ему в грудь, чувствуя, как пахнет его камзол — морозом и сандалом. — Вейн сканирует тепло и сердцебиение.

Двери треснули во второй раз. Металлическая петля со звоном отлетела в сторону.

— Я знаю, — шепот Дориана обжег мое ухо. Его лицо оказалось в миллиметре от моего. — Поэтому я должен его остановить.

— Что?..

— Твое сердце, Майя. Я должен его остановить. На две минуты.

Мой мозг отказался воспринимать эти слова.

— Ты сошел с ума?! Я умру!

— Я вытащу тебя с той стороны, обещаю, — его глаза смотрели прямо в мои, и в них была такая бездонная, отча-

янная мольба, что я замерла. Вампиры не умеют просить. Они берут. Но сейчас этот аристократ, наследник древнейшего Дома, смотрел на меня как на величайшую драгоценность, которую боится разбить. — Доверься мне. Умоляю.

Третий удар выбил двери. Они рухнули на мраморный пол с оглушительным грохотом. В Оранжерею ворвались Инквизиторы.

— Давай, — выдохнула я, закрывая глаза.

Холодная рука Дориана легла прямо на мою грудь, туда, где билось сердце. Я почувствовала резкий, парализующий удар тока. Магия вампира пронзила мою плоть, проникая в самые сосуды, замораживая кровь, останавливая время.

Последнее, что я ощутила перед тем, как мир погрузился в абсолютную, звенящую темноту — это судорожный удар сердца и последующее замирание.

Тишина. Я не дышала. Я не чувствовала своего тела. Я была заперта в пустом пространстве, где-то между жизнью и смертью, осознавая лишь одно: мы скрыты в коконе теней, в метре от вооруженного отряда.

Сквозь плотную пелену Теневого Полога до меня доносились искаженные, как под водой, звуки.

— Обыскать здесь все! — лаял Вейн. Его тяжелые шаги отдавались вибрацией в полу, которую я почему-то чувствовала костями, хотя была клинически мертва. — Ищейка взяла след на западном крыле. Здесь пахнет человеком.

— Магистр, тут только старые растения. Всплесков эфира

нет, — ответил другой голос.

— Ты сомневаешься в чутье горгульи, идиот?! Ищите! Если кто-то из «сосудов» сбежал из спален и шляется здесь, я лично сдеру с него кожу. А если он был здесь не один...

Звук лязгающих когтей по мрамору. Ищейка. Тварь, сотканная из камня и черной магии, подошла так близко к нашему убежищу, что я могла бы (если бы могла двигаться) протянуть руку и коснуться ее морды. Она громко, с хрипом втягивала воздух.

Дориан стоял абсолютно неподвижно, прижимая мое мертвое тело к себе. Он тоже не дышал. Для него это было естественно, но для меня... Мой разум начал паниковать. Кислородное голодание подступало невидимой волной. Сознание начало рваться по краям, распадаясь на фрагменты.

Как я дошла до этого? — пронеслась истеричная мысль. Я, отличница, мечтавшая стать архитектором в Москве. Как я оказалась в Академии, где небо затянуто вечной мглой? Как я позволила себе влюбиться в существо, для которого мой вид — лишь пища и источник магии? Как я могла поверить, что смогу выжить среди них, играя по их правилам?

Вейн остановился прямо перед нашей стеной теней.

— Странно, — протянул он. — Запах обрывается здесь. Но крови нет. Пульса нет. Тепла нет.

Я чувствовала, как напряглись мышцы Дориана. Если Инквизитор шагнет вперед, он столкнется с невидимой преградой. И тогда — бойня. Дориан силен, но их шестеро, не счи-

тая зверя.

Секунды растянулись в часы. Мое сознание угасало. Темнота становилась уютной, манящей. Я больше не чувствовала страха, только странную, пустую легкость.

— Магистр! — крикнули из глубины коридора. — Тень на южной лестнице! Возможно, это нарушитель!

Вейн выругался сквозь зубы.

— За мной! Живо!

Грохот сапог начал отдаляться. Когти Ищейки процокали следом.

Когда звуки стихли вдали, кокон теней вокруг нас дрогнул и осыпался черным пеплом.

Дориан рухнул на колени, увлекая меня за собой. Я была тряпичной куклой в его руках. Его зрачки расширились, обнажив радужку. Пальцы, обычно неподвластные дрожи, мелко вибрировали.

Я почувствовала, как ледяной холод сковывает внутренности, убивая эйфорию

Он ударил ладонью мне в грудь, вливая поток раскаленной, обжигающей магии.

Мое тело выгнулось дугой. Сердце взорвалось болью, делая первый, судорожный толчок. Я распахнула глаза, жадно, со свистом втягивая воздух, захлебываясь им, кашляя так, словно легкие были полны битого стекла.

— Тише, тише, я здесь, дыши, — Дориан бормотал это, прижимая мое лицо к своей шее, не обращая внимания на

то, что я в агонии царапаю его плечи. Его пальцы путались в моих волосах. Он дрожал. Настоящий, тысячелетний монстр дрожал, баюкая меня на полу разрушенной оранжереи.

Я глотала воздух вперемешку со слезами, цепляясь за него, как утопающий за спасательный круг. Боль от перезапуска сердца пульсировала в каждой вене, но еще большее было от осознания того, в какой ловушке мы оказались.

— Они убьют нас, Дориан, — всхлипнула я, когда спазм в горле немного отпустил. — Завтра, или через неделю... они узнают. Ты не можешь каждый раз останавливать мне сердце.

Он медленно отстранился. Выражение его лица изменилось. Нежность, которая только что спасла мне жизнь, мгновенно скрылась за ледяной маской вампирской аристократии. Он поднялся на ноги, одним плавным движением поправляя смятый камзол, и посмотрел на меня сверху вниз. Между нами, снова пролегла непреодолимая пропасть: он — хищник, я — его жертва. Он — элита Академии Эребус, я — лишь грязь из другого измерения.

Но я видела, как плотно сжаты его кулаки.

— Значит, мы должны сделать так, чтобы они перестали диктовать нам правила, Майя, — произнес он голосом, от которого повеяло арктическим холодом. — И для этого тебе придется перестать быть просто испуганным человеком. Завтра начинаются испытания Крови. Если ты хочешь выжить и, если ты хочешь... быть со мной... ты должна пробу-

дить свою магию. Иначе они сожрут тебя. А если не они, то это сделаю я.

Он развернулся и растворился в тенях, оставив меня одну на холодном мраморном полу, с кровоточащим следом от укуса на шее и сердцем, которое теперь билось только ради того, чтобы принадлежать ему.

Я вытерла кровь с ключицы, глядя на разбитые витражи, за которыми клубилась вечная багровая ночь. Назад на Землю пути не было. Оставалось только одно — стать кем-то, кого этот мир начнет бояться.

Глава 2.

Вода в ржавых трубах Нижних ярусов всегда пахла медью и отчаянием.

Я до боли сжала вентиль, и из крана с хриплым кашлем вырвалась струя ледяной воды, ударившись о треснувший фаянс раковины. Я подставила под нее руки, надеясь, что холод смое тупую, пульсирующую боль за грудиной. Туда, куда несколько часов назад легла ладонь Дориана, останавливая мое сердце.

Каждый удар внутри грудной клетки теперь ощущался как тяжелый шаг чужака в пустой комнате. Тук. Боль. Тук. Лед. Мое тело все еще не могло поверить, что оно живо, что оно вырвалось из звенящей пустоты между мирами, куда меня швырнула магия носферату.

Я подняла взгляд на осколок зеркала, приклеенный к шершавой бетонной стене. Оттуда на меня смотрела девушка, которую я едва узнавала. Месяц назад в Москве, в мире, где физика имела смысл, а небеса были голубыми, у меня были румяные щеки и спокойный взгляд. Сейчас кожа приобрела нездоровый, полупрозрачный оттенок, а под глазами залегли тени цвета перетертого пепла. В Академии Эребус люди не жили — они расходовались. Мы были батарейками из плоти и крови, сосудами, чья единственная цель — генерировать магический эфир, чтобы аристократам в бархатных камзо-

лах было что пить, когда обычная кровь переставала их пьянить.

Дрожащими пальцами я расстегнула верхнюю пуговицу жесткой серой рубашки. Ткань царапнула кожу, и я тихо зашипела.

Они были там. Два идеальных, ровных прокола над левой ключицей.

Вокруг них уже расплывался темный ореол синяка, похожий на распустившийся цветок орхидеи. Я коснулась ранок подушечками пальцев, и меня мгновенно прошило фантомной дрожью. Память — жестокая вещь. Вместо ужаса тело вспомнило обжигающую, гипнотическую нежность его губ. Вспомнило запах сандала и старой крови. Вспомнило, как его клыки раздвинули мышечные волокна, не разрывая их, а словно скользя сквозь них с пугающей, почти божественной точностью.

«Я вытащу тебя с той стороны, обещаю».

Его шепот все еще звучал в моей голове, вибрируя на тех низких частотах, которые человеческое ухо улавливать не должно. Вампиры не знали жалости. Они были сотканы из жестокости, древних амбиций и хищного голода, скрытого за масками безупречных манер. Но когда он смотрел на меня вчера ночью... в его бездонных черных глазах была трещина. Я видела ее. И это пугало меня больше, чем Инквизиция.

Я потянулась за дешевым консилером — единственной контрабандной вещью с Земли, которую мне удалось сохра-

нить. Но когда мои пальцы снова коснулись металлического края раковины, произошло нечто необъяснимое.

Воздух вокруг моей руки внезапно стал плотным. Раздался сухой, трескучий звук, похожий на рвущийся шелк. С кончиков моих пальцев сорвалась искра. Но она не была золотой или синей, как обычный человеческий эфир. Она была черной. Абсолютно, поглощающе черной, как кусочек ночного неба, лишённого звезд. Искра ударилась о кран, оставив на металле крошечный оплавленный след, и впилась в тени под раковиной.

Я отшатнулась, вжавшись спиной в холодную стену кабинки. Дыхание перехватило.

Теневая магия. Магия Дориана.

Его сила не просто прошла сквозь меня, чтобы остановить сердце. Она осталась в моей крови. В строгой, выверенной иерархии Эребуса магия была абсолютom. Люди излучали сырой, светлый эфир — пищу. Вампиры управляли стихиями, тенями и разумом — оружием. Смешение было невозможно, противоестественно, это ломало сами законы параллельного измерения. Если кто-то из надзирателей увидит эту черную искру, меня не просто испепелят на центральном дворе. Меня вскроют заживо в лабораториях Гильдии плоти.

— Майя? — раздался сдавленный, полный паники шепот.

Дверь умывальной комнаты скрипнула. На пороге стояла Лили — моя соседка по блоку. На ней была та же униформа из грубой серой шерсти, но воротник был наглухо застег-

нут, скрывая бледную шею. Лили была здесь уже год. От ее прежней личности осталась лишь дрожащая оболочка. Эребус высасывал из нее не только эфир, но и волю к жизни, превратив в покорную, забытую тень.

— Что ты здесь делаешь? — ее глаза лихорадочно бегали по стенам, словно ожидая, что из вентиляции прямо сейчас выпрыгнет горгулья. — Они здесь. Инквизиция. На нашем ярусе.

Я мгновенно отвернулась от зеркала, лихорадочно натягивая воротник и застегивая пуговицу до самого горла. Пальцы не слушались.

— Что случилось? — мой голос прозвучал слишком хрипло. Я откашлялась, пытаюсь придать лицу равнодушное выражение.

— Ночной патруль Магистра Вейна, — Лили обхватила себя руками, раскачиваясь из стороны в сторону. — Они перевернули три спальни в соседнем блоке. Вышвырнули людей прямо в коридор. Говорят... — она сглотнула, понизив голос до едва слышного писка, — говорят, Ищейка взяла след человеческой крови в Заброшенной Оранжерее. Кто-то из наших ночью был там. С ними.

Мой желудок скрутило ледяным узлом. Я отвернулась к раковине, делая вид, что вытираю руки полотенцем.

— Это слухи, Лили. Никто из наших не смог бы обойти барьеры после отбоя.

— Вейн так не думает! — всхлипнула она. — Он в бешен-

стве. Если они найдут того, кто это сделал, они накажут весь сектор. Майя, скоро Испытания Крови! Нам просто нужно быть тихими. Просто отдавать норму эфира на практиках, смотреть в пол и не привлекать внимания. Почему кто-то всегда должен играть с огнем?

«Потому что иногда огонь — это единственное, что заставляет тебя чувствовать себя живой в этом склепе», — подумала я, но промолчала.

Лили не поняла бы. Она приняла свою роль еды. Но когда Дориан коснулся меня, когда его губы накрыли мои в темноте оранжереи, прежде чем клыки вонзились в кожу, я впервые с момента попадания в этот ад почувствовала, что у меня есть выбор. Опасный. Смертельный. Но мой. В мире, где вампиры брали все по праву сильного, он просил моего разрешения. Это был парадокс, который притягивал меня к нему сильнее любой гравитации.

В этот момент здание содрогнулось.

Это не было фигурой речи. Каменные своды Нижних ярусов гулко застонали, когда взвыла сирена. Это был не механический звонок, а тяжелый, вибрирующий звук, сплетенный из магии иллюзий и костей гигантских тварей, водившихся в Пустошах за стенами Академии. Звук бил по барабанным перепонкам, заставляя вибрировать зубы. Так звучал рог на скотобойне.

— О боже... — Лили осела на пол, закрыв уши руками.
— Нет, нет, только не внеплановый сбор.

Металлические двери нашего блока с грохотом распахнулись. В коридор хлынул неестественный лазурный свет магических фонарей. По бетонному полу загрохотали кованые сапоги.

— Всем сосудам покинуть камеры! — разнесся по коридору усиленный акустической магией голос надзирателя. Раздался резкий, сухой треск электрического хлыста, прошившего воздух. Запахло паленым мясом — кто-то в коридоре не успел выйти вовремя. — Построение немедленно! Лицом в пол, глаза не поднимать! Общий сбор в Большом Зале! Без исключений!

Я посмотрела на Лили, которая сжалась в комок, не в силах сдвинуться с места. Страх — заразная вещь. Он заползал под кожу, парализуя мышцы. Если мы останемся здесь, нас забьют кнутами. Если выйдем — предстанем перед Вейном, чьи Ищейки уже чувят запах моей изменившейся крови.

Я подошла к Лили и грубо схватила ее за предплечье, рывком поднимая на ноги.

— Вставай, — жестко сказала я.

— Майя, они нас убьют...

— Вставай! — я дернула ее к себе. Мой голос внезапно обрел сталь, которой я от себя не ожидала. Искра черной магии, спавшая где-то глубоко в венах, слабо завибрировала, отвечая на мою злость. — Слушай меня. Ты смотришь в пол. Ты не дрожишь. Ты сливаешься со стеной. Поняла?

Лили судорожно закивала, ее глаза были огромными от

ужаса.

Я глубоко вдохнула спертый, пахнувший медью воздух. Паника — это роскошь, которую я больше не могла себе позволить. Я поправила грубый воротник, убедившись, что он плотно прилегает к шее, пряча следы моего преступления, моего падения и моей странной, извращенной победы.

Мы вышли в коридор. Сотни людей в серой форме выливались из своих комнат, как безликая река, подгоняемая окриками и ударами хлыстов Инквизиторов в черных плащах. Мы влились в этот поток, двигаясь плечом к плечу, чувствуя чужой страх так же ясно, как свой собственный.

Впереди нас ждали огромные кованые двери Большого Зала и витражи, за которыми клубилось вечное багровое небо. И где-то там, на балконах из резного обсидиана, ждал он. Тот, кто убил меня прошлой ночью. Тот, кто подарил мне жизнь.

И я собиралась заставить его ответить за каждую черную искру, которая теперь жгла мою кровь.

Большой Зал Академии Эребус был выстроен не для молитв, а для устрашения.

Это был исполинский готический кратер, уходящий высоко вверх, где вместо потолка клубилась вечная багровая мгла. Тяжелые витражи из закопченного стекла изображали сцены древних войн — бледные фигуры с крыльями из теней, разрывающие на части безликих смертных. Архитектура давила, ломала волю, напоминая каждому человеку, пере-

секшему порог, что здесь он — лишь пыль на сапогах богов.

Нас, больше сотни людей в грубых серых робах, согнали на самое дно этого колодца. Мы стояли на холодном базальтовом полу, прижавшись друг к другу, как овцы в загоне. Воздух здесь был тяжелым, пропитанным кислым запахом нашего собственного коллективного ужаса, потом и влажным камнем.

А над нами, на резных балконах из черного обсидиана, располагалась элита.

Разница между ярусами была не просто социальной, она была физиологической, эстетической бездной. Вампиры наблюдали за нами сквозь ажурные решетки своих лож. Они походили на ожившие портреты эпохи Ренессанса, написанные кровью и лунным светом. Бархат цвета ночи, изумрудный шелк, тончайшее кружево. Их кожа светилась фарфоровой бледностью, а движения обладали текучей, хищной грацией змей. Кто-то лениво обмахивался веером, кто-то перешептывался, обнажая острые, как бритва, клыки в беззвучном смехе. В их руках покачивались хрустальные бокалы с густой, рубиновой жидкостью. Я знала, что это такое. И от этого знания к горлу подкатывала тошнота.

Мой взгляд лихорадочно скользнул по балконам, пропуская ложи Дома Пламени и Дома Разума. Мне нужен был Дом Теней.

Я нашла его.

Дориан стоял у самых перил центрального балкона. На

нем был строгий черный камзол, расшитый серебряными нитями, волосы цвета воронова крыла идеальной волной падали на лоб. Он выглядел как ожившее божество смерти — безупречно холодный, отстраненный, возвышающийся над миром. Ни один мускул на его лице не дрожал. Он смотрел вниз, на серую массу людей, с выражением абсолютного, ледяного безразличия.

Глядя на него сейчас, было невозможно поверить, что всего несколько часов назад этот аристократ стоял на коленях в грязи оранжереи. Что его руки тряслись, когда он баюкал мое бездыханное тело. Что в его глазах, темных и бездонных, плескался первобытный, совершенно не вампирский страх потери.

Сейчас он был в маске. И я понимала, почему. Одно неверное движение, один слишком долгий взгляд — и его собственный Дом разорвет его на куски за предательство чистоты крови.

Внезапно гул голосов под сводами оборвался. Звонящая тишина упала на Зал, как тяжелый занавес.

Из высоких боковых дверей на возвышение перед нашей толпой вышел Магистр Вейн — глава Инквизиции. Он не был красив той завораживающей, гипнотической красотой, как Дориан или другие аристократы. Лицо Вейна походило на грубо высеченный гранит, испещренный шрамами от серебряного оружия. Но ужас внушал не он.

Рядом с Магистром, натягивая толстую цепь из зачарованного железа, шла Ищейка.

Толпа людей синхронно ахнула и подалась назад, вдавливая меня в кого-то позади. Тварь была размером с крупного медведя, но соткана из ожившего обсидиана и сгустков теневой материи. Ее когти с отвратительным скрежетом царапали камень. Ищейка шумно втянула воздух — звук был похож на хрип умирающего висельника. Ее слепые, провалившиеся глазницы повернулись прямо к толпе.

Мое сердце — то самое, которое недавно не билось — сделало бешеный скачок. Горгулья чуяла. Она искала запах той самой крови, что пролилась ночью.

Я машинально прижала руку к воротнику. Вены под кожей вдруг странно похолодели. Черная искра, поселившаяся во мне после магии Дориана, шевельнулась в груди, отвечая на присутствие зверя мрачной, пульсирующей вибрацией.

— Сосуды, — голос Вейна ударил по ушам. Он не кричал, но акустическая магия разнесла его слова по Залу с такой силой, что задрожали витражи. — Месяц жатвы подошел к концу. Завтра на рассвете начинаются Испытания Крови.

По толпе пронесся обреченный вздох. Испытания были традицией, о которой среди людей говорили только шепотом. Раз в год студенты-вампиры отправлялись в Лабиринт под Академией, чтобы доказать свою силу и право на повышение в иерархии Домов. Людей туда брали в качестве живого инвентаря. Мы должны были носить их оружие, стоять

в стороне и, если хозяин истощен, покорно подставляя запястье или шею, отдавая свой эфир для восстановления их сил. Многие не возвращались — их выпивали досуха. Но это считалось почетной жертвой.

— Из года в год, — продолжил Вейн, медленно прохаживаясь вдоль края возвышения, пока Ищейка пускала слюну на пол, — мы защищали вас. Мы создавали барьеры. Мы позволяли вам прятаться за нашими спинами, пока вы выполняли свою единственную функцию. Вы были слабыми, мягкими, покорными. Такими, какими вас создала природа.

Он остановился. Его взгляд — тяжелый, пронизывающий — впился в толпу. Мне показалось, что он смотрит прямо на меня, сквозь десятки других лиц.

— Но прошлой ночью, — процедил Вейн, и балкон вампиров над нами одобрительно и хищно зашептался, — кто-то из вас забыл свое место. Кто-то решил, что может нарушить законы Эребуса, осквернив чистоту ночи в Заброшенной Оранжеее. Кто-то посмел возомнить себя не пищей, а равным.

Лили, стоявшая рядом со мной, тихо заскулила и вцепилась в мой рукав.

— Я не нашел виновного, — признал Вейн, и его губы скривились в жестокой усмешке. — Пока не нашел. Но этот инцидент доказал Совету одну вещь. Вы стали слишком ленивыми. Слишком уверенными в своей безопасности под нашими сводами. Вы забыли, что такое страх.

Он резко дернул цепь. Ищейка взвыла, расправив перепончатые крылья.

— Поэтому в этом году правила Испытаний меняются.

Вампиры на балконах подались вперед. В их глазах вспыхнул азарт. Люди внизу замерли, перестав дышать.

— Завтра в Лабиринте не будет защитных барьеров для сосудов, — каждое слово Вейна падало, как удар кузнечного молота по крышке гроба. — Никаких щитов. Никаких убежищ. Никакого пассивного донорства. В этом году вы войдете на арены как полноправные участники выживания.

Наступила секундная, мертвая тишина. А затем зал взорвался криками.

— Это невозможно! — закричал парень в нескольких метрах от меня. — Мы же не владеем боевой магией! Нас разорвут низшие твари!

Надзиратель, стоявший рядом с ним, без замаха ударил парня древком алебарды в лицо. Человек рухнул на колени, захлебываясь кровью. Запах железа мгновенно заполнил Зал. На балконах несколько вампиров инстинктивно облизнулись, их глаза почернели от голода.

— Выживут только те, кто докажет свою ценность, — перекрыл крики рык Вейна. — Если ваш эфир слишком слаб, чтобы пробудить хотя бы примитивную кинетическую защиту — значит, вы бракованный материал. А бракованный материал мы отдаем Ищейкам. Вам запрещали колдовать? Отныне вам запрещено умирать без борьбы. Покажите, на что

способен ваш инстинкт самосохранения, или сдохните в грязи!

Лили не выдержала. Ее ноги подогнулись, и она рухнула на колени, рыдая в голос, закрыв лицо руками. Толпа вокруг нас начала в панике метаться, люди плакали, умоляли надзирателей, кто-то пытался бежать к дверям, но их отбрасывало назад ударами электрических хлыстов.

Арена превращалась в бойню еще до начала самих Испытаний. Школа, которая должна была обучать контролю магии, окончательно сбросила маску, обнажив клыки. Нас всех только что приговорили к смертной казни.

Я не плакала.

Сквозь оглушающий шум, крики и запах чужой крови я чувствовала нечто иное. Страх, который душил меня последние месяцы, внезапно отступил. На его место пришел лед. Холодный, расчетливый и острый, как скальпель. Черная искра Теневой магии в моей груди развернулась, питаясь моей злостью. Вейн думал, что сломает нас этим заявлением. Он думал, что загонит дичь в угол. Но он совершил роковую ошибку. Он дал мне разрешение сражаться.

Я наклонилась и грубо схватила Лили за плечи, поднимая ее на ноги.

— Не смей здесь падать, — прошипела я ей на ухо тоном, от которого сама вздрогнула. — Стой ровно.

Затем я медленно, намеренно запрокинула голову и посмотрела на балкон Дома Теней.

Сквозь хаос мечущихся людей, сквозь пыль и магическое свечение зала, мой взгляд встретился со взглядом Дориана.

Казалось, время остановилось. Звуки исчезли, оставив только глухой, тяжелый стук моего недавно запущенного сердца. Дориан больше не смотрел в пустоту. Он смотрел на меня. Его руки, лежавшие на обсидиановых перилах, побелели от напряжения. Камень под его пальцами пошел микроскопическими трещинами — он сжимал перила с силой, способной гнуть сталь.

Его маска дала трещину. В его черных глазах читалось понимание всего ужаса ситуации. Если я выйду на арену одна, без умения контролировать эфир и тень, что течет в моих венах — я труп. И он не сможет меня спасти у всех на виду.

В этом зрительном контакте не было тепла. Это был договор, скрепленный кровью в темноте оранжереи.

«Ты должен научить меня», — мысленно кричала я ему, не отрывая взгляда. «Сегодня. Сейчас. Иначе все, что ты сделал ночью, было зря».

Дориан не кивнул. Он не мог позволить себе ни единого жеста. Но его челюсти сжались так сильно, что на бледных скулах заходили желваки. А затем его глаза на мгновение вспыхнули алым пламенем хищника.

Это было согласие. Опасное, разрушительное согласие.

Мы оба знали, что это значит. Обучение боевой магии между вампиром и человеком потребует контакта. Оно по-

требует близости, которая сведет его с ума от жажды, а меня — от той нездоровой, электрической связи, что уже связывала нас невидимой цепью. Это убьет нас вернее, чем когти монстров в Лабиринте.

Но выбора больше не было. Игры в прятки закончились. Пришло время показать монстрам Академии Эребус, что случается, когда пища начинает кусаться в ответ.

Глава 3.

Комендантский час в Эребусе был не просто правилом — это было заклинание. После полуночи коридоры Нижних ярусов опутывала невидимая сеть из сонной магии и ядовитых спор. Но сегодня мне было плевать на правила.

Чтобы обойти патруль горгулий, я воспользовалась той самой черной искрой, что пульсировала в моих венах. Стоило мне приблизиться к магическому барьеру, как я инстинктивно потянулась к этой чужеродной, холодной силе внутри себя. Во мне отозвалась Тень Дориана. Барьер, настроенный на то, чтобы сжигать человеческую плоть, просто скользнул по моей коже, признав во мне «своего».

Склепы Дома Теней находились глубоко под фундаментом Академии. Здесь не было пафосных витражей Большого зала. В воздухе пахло древней пылью, миррой и сухой землей. Вдоль стен из необработанного базальта возвышались обсидиановые саркофаги предков Дориана — жестоких правителей ночи, чьи высеченные в камне лица скалились в вечной насмешке над смертными. Освещали склепы лишь редкие сферы с бледно-голубым ведьминым огнем.

Я шла тихо, стараясь, чтобы подошвы моих форменных ботинок не скрипели по каменным плитам. Сердце билось так громко, что, казалось, разбудит мертвецов.

— Ты либо невероятно глупа, либо действительно ищешь

смерти.

Голос прозвучал из крошечной тьмы, обволакивая меня, как бархатная удавка. Я резко обернулась.

Дориан сидел на краю пустого саркофага, закинув ногу на ногу. На нем больше не было форменного камзола — только черная шелковая рубашка, расстегнутая на верхние пуговицы, обнажала мертвенно-бледную, но идеальную кожу ключиц. В руке он лениво вертел старинный стилет с рубином на эфесе.

Он не выглядел удивленным. Он выглядел опасным.

— Как ты обошла барьеры, Майя? — он спрыгнул с камня. Его движения были плавными, бесшумными, нечеловеческими. В одно мгновение он оказался передо мной. От него пахло холодом и запекшейся кровью. — Ищейки должны были разорвать тебя еще на Южной лестнице.

Я заставила себя не отступать, хотя все инстинкты в моем теле кричали: Беги. Это хищник.

— Благодаря тому, что ты оставил во мне прошлой ночью, — я вздернула подбородок, глядя прямо в его темные, как смола, глаза. — Твоя магия. Она обманула их сканеры.

Дориан замер. Его взгляд скользнул к моей шее, туда, где под глухим воротником скрывались следы его клыков. На долю секунды его зрачки расширились, заполнив радужку чернотой, а ноздри едва заметно дрогнули. Он чувствовал запах своей тени в моей человеческой крови.

— Это должно было рассеяться за несколько часов, —

процедил он, делая еще один шаг ко мне. Теперь нас разделяли жалкие сантиметры. — Ты не должна была это удерживать. Человеческое тело не способно хранить теневой эфир, оно должно было сгореть изнутри.

— Как видишь, я не сгорела, — мой голос предательски дрогнул, когда он навис надо мной. — Вейн объявил новые правила. Ты это слышал. Завтра меня бросят в Лабиринт. Если я не смогу защититься, я умру.

— Значит, ты умрешь, — его тон был безжалостным. — Таков закон Эребуса.

— Нет, — я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. — Я не буду покорно ждать, пока меня сожрут низшие твари на потеху вашему Совету. Ты обещал вытащить меня. Ты сам сказал, что я должна пробудить магию. Научи меня.

Дориан издал низкий вибрирующий звук — то ли смешок, то ли рычание. Внезапно он схватил меня за плечи и с силой прижал спиной к ледяной поверхности ближайшего саркофага. Воздух со свистом вырвался из моих легких. Его лицо оказалось в миллиметре от моего.

— Учить тебя? — прошипел он, его клыки угрожающе удлиннились и сверкнули в синем свете. — Ты хоть понимаешь, о чем просишь, смертная? Боевая магия завязана на адреналине и пульсе. Если мы начнем тренировки, твой эфир затопит всю комнату. Твое сердце будет биться так быстро, что я буду слышать каждый удар крови в твоих венах. Я тебе не ручной спаситель, Майя. Я вампир. Если ты потеряешь

контроль, если ты заставишь меня потерять контроль... я высосу тебя досуха прямо на этих камнях.

Его близость сводила с ума. Страх смешивался с темным, извращенным желанием податься вперед, сократить расстояние между нашими губами до миллиметра.

— Я скорее умру здесь от твоей руки, — прошептала я, глядя в его полные тьмы глаза, — чем доставлю Вейну удовольствие смотреть, как меня разрывают на арене. Учи меня, Дориан. Или убей прямо сейчас.

Мы смотрели друг на друга долгие, мучительные секунды. Воздух между нами искрил от напряжения, густого и осязаемого.

Наконец он с глухим рычанием отпустил мои плечи и отступил на шаг, проведя рукой по своим идеальным волосам.

— Снимай куртку, — бросил он, поворачиваясь к центру склепа. — И запомни: если ты сломаешь кости, я их не буду сращивать. Жалость осталась в Москве. Здесь есть только выживание.

Зал для поединков скрывался за железной дверью в самом конце зала. Здесь не было ничего, кроме голых каменных стен, испещренных глубокими бороздами от чьих-то когтей, и стоек с тренировочным оружием из тусклого серебра и железа.

Я сбросила серую форменную куртку и осталась в тонкой майке. В подземелье было холодно, как в морге, но кожа горела от адреналина.

— Человеческая магия пассивна, — начал Дориан, расхаживая вокруг меня кругами, как пантера, оценивающая добычу. Его шаги были абсолютно бесшумными. — Вас учили отдавать ее плавно, как воду из кувшина. Чтобы создать щит или кинетический удар, ты должна превратить воду в лед. В камень. В оружие. Собери эфир в груди и направь в меня.

Я закрыла глаза, пытаюсь нащупать то тепло, которое мы обычно отдавали во время донорских практик. В солнечном сплетении зажегся светлый человеческий эфир. Я направила его в ладони и выбросила вперед.

Слабая золотистая волна прокатилась по воздуху и бессильно разбилась о грудь Дориана, даже не растрепав его шелковую рубашку.

Он усмехнулся. Жестоко, высокомерно.

— Этим ты разве что смахнешь пыль с моего саркофага. Еще раз.

Я стиснула зубы и ударила снова. С тем же результатом.

— Слабо, — бросил он. — Ты боишься. Ты боишься своей силы, боишься меня, боишься боли.

В следующее мгновение он исчез. Воздух свистнул, и мощный удар под дых вышиб из меня дух. Я отлетела на несколько метров и с грохотом рухнула на жесткие камни. Боль пронзила ребра. Я зашлась в судорожном кашле, пытаюсь вдохнуть.

— Вставай, — холодно скомандовал он.

Едва я поднялась на колени, как он снова оказался рядом.

Его нога ударила меня по голени, подсекая. Я снова упала, на этот раз ободрав локти в кровь.

Запах моей свежей крови мгновенно изменил атмосферу в зале. Дориан резко остановился. Я видела, как напряглась его спина. Он судорожно вдохнул, борясь с инстинктами.

— Защищайся, — прорычал он, и в его голосе появились металлические, нечеловеческие нотки. — Используй злость. Ты ненавидишь этот мир? Ненавидишь то, что они с тобой сделали? Выплесни это!

Он снова набросился на меня, его пальцы сомкнулись на моем горле. Он поднял меня над полом и прижал к стене. Хватка была стальной, я задыхалась. Перед глазами заплясали черные точки.

— Ну же, Майя! — его лицо исказилось от смеси голода и ярости. — Бей!

Паника охватила мой разум. Воздуха не было. Я снова умирала, прямо у него на руках. Светлый эфир внутри меня метался, но он был слишком мягким, слишком беззащитным.

И тогда я вспомнила слова Вейна. Бракованный материал. Вспомнила унижение. Вспомнила страх Лили. Вспомнила, как Дориан пил мою кровь, забирая мою волю.

Ярость — чистая, первобытная, раскаленная — вспыхнула в моей груди. Светлый эфир сжался, уплотнился, но этого было мало. Тогда моя ярость проникла глубже. Она зацепилась за ту самую черную, чужеродную Тень, которую он

оставил во мне.

Я не стала выталкивать магию. Я сделала нечто противоестественное.

Я потянула ее на себя.

Воздух в комнате треснул. С оглушительным звуком, похожим на взрыв вакуумной бомбы, из моего тела вырвалась волна энергии. Но она не была светлой. Это был пульсирующий вихрь из золотого эфира, густо оплетенный черными тенями.

Ударная волна отбросила Дориана. Древний вампир, обладающий невероятной силой, пролетел через весь зал и с грохотом врезался в противоположную стену, пробив телом каменную кладку.

Я рухнула на пол, хватая ртом воздух и дрожа от перенапряжения. Вены на моих руках вздулись и засветились неестественным черно-золотым светом, который медленно угасал.

Пыль медленно оседала в зале. Дориан поднялся из-под обломков. Его рубашка была порвана, на скуле кровоточила ссадина — рана, которая должна была зажить мгновенно, но почему-то не затягивалась. Магия теней обожгла его собственную плоть.

Он смотрел на меня. В его расширенных глазах не было злости. В них читался абсолютный благоговейный шок.

— Что ты сделала? — прошептал он, медленно подходя ко мне. Он двигался осторожно, словно приближался к нераз-

рвавшейся бомбе...

— Я... я не знаю, — я посмотрела на свои дрожащие ладони, испачканные в пыли и крови. — Я просто хотела, чтобы ты меня отпустил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.